

УДК 347.1

Проблема объективации человека в праве

Е.В. БОГДАНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой гражданского права
Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
kafedra38@yandex.ru

В представленной работе на примере договоров о суррогатном материнстве, предоставлении персонала и других договоров исследована проблема объективации человека в праве, когда человек в той или иной мере становится объектом прав и обязанностей других лиц.

Ключевые слова: объективация человека в праве, объект, субъект, суррогатное материнство, предоставление персонала, дееспособность, правоспособность.

Problem of an objectivization of the person in the Law

Bogdanov E.

In the presented work on an example of contracts on substitute motherhood, about granting the personnel, etc. the problem of an objectivization of the person in the law when the person to some extent becomes object of the rights and duties of other persons is investigated.

Keywords: objectivization of the person in the law, object, subject, substitute motherhood, granting personnel, legal capacity, ability to act.

В науке гражданского права время от времени актуализируется вопрос о возможности признания человека в качестве объекта прав. В одних случаях авторы прямо утверждали или утверждают об этом, в других — такой вывод вытекает из смысла авторского текста. В частности, Г.Ф. Шершеневич считал, что право обеспечивает, сверх материальных, также и нравственные интересы, содержащиеся в семейных отношениях, и в этом случае объектом права являются сами лица, жена, дети, опекаемые¹. Схожую позицию занимал Е.Н. Трубецкой, полагавший, что «предметами, а следовательно, и объектами права могут быть, во-первых, предметы вещественного мира — вещи; во-вторых, действия лица и, наконец, само лицо»². Д.И. Мейер следующим образом охарактеризовал сущность юридических правил, определяющих отношения между супругами: «Существо этих правил заключается в праве власти мужа над лицом жены — власти, которую законодательство ставит даже выше родительской, т. е. в случае столкновения права власти мужа с правом власти родителя законодательство право власти мужа признает сильнейшим. По праву власти муж может требовать от жены повиновения тем или другим его приказанием... в особенности же вправе требовать, чтобы жена находилась при нем, в его квартире, и без воли его она не может даже временно пребывать в другом месте»³.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые исследователи, признававшие человека объектом правоотношения, отрицали его квалификацию в качестве вещи. В частности, Е.Н. Трубецкой утверждал, что «современное право... не допускает такого господства, при котором одно лицо низводится на степень вещи и средства для цели другого лица»⁴.

Правовая позиция указанных и целого ряда других российских исследователей по данному вопросу сформировалась под влиянием иностранных ученых, и прежде всего германских, в частности Ю. Барона, полагавшего, что «право в субъективном смысле... это господство, которым определенное лицо (или несколько лиц) обладают по отношению к определенному предмету в целях удовлетворения своих интересов... Все предметы права в субъективном смысле — это лица и вещи»⁵.

Столь единодушное мнение ученых-юристов о причислении личности человека к объектам права основывалось на философии И. Канта. В.А. Лапач в этой связи писал, что идея И. Канта о вещно-личном праве ограничивалась всего тремя специальными субъектами и соответственно тремя «предметами» права: мужчина приобретает женщину, чета приобретает детей, а семья — прислугу. Сообразно каждому из этих «приобретений» И. Кант постулировал соответствующее субъективное право (брачное, родительское, право хозяина до-

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1—4. — М., 1910—1912. С. 591.

² Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. — СПб., 1998. С. 180.

³ Мейер Д.И. Русское гражданское право. Часть 2. — М., 1997. С. 363.

⁴ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 189.

⁵ Baron J. Pandekten. Neunte, verm. Auflage. — Leipzig, 1896. S. 34—35.

ма) и утверждал, что все эти предметы приобретения неотчуждаемы, и право их владельца есть самое личное право¹.

Высказанные позиции относились к прошлому времени, и, казалось бы, в настоящее время уже не должны встречаться суждения ученых, в которых бы авторы вновь рассуждали о человеке как объекте прав, однако это не так.

В частности, белорусский ученый В.А. Витушко пишет: «К объектам права также относятся личность человека. Например, в браке взаимный интерес супругов основан на личных качествах партнера... Органы тела человека также могут быть объектами некоммерческого безвозмездного гражданского оборота в Республике Беларусь»².

В.А. Белов о правосубъектности человека пишет следующее: «Субстратом всякого субъекта права является его волевая деятельность, имеющая юридическое значение, а вовсе не физическая природа, организационное единство, целевое имущество. Далеко не всякий человек — субъект права, далеко не всякая организация — юридическая личность. Субъект права — это лицо, которое замечается правом, имеет юридическое значение, а происходит это только тогда, когда это лицо осуществляет юридически значимую деятельность»³.

Если с этих позиций рассматривать правовое положение новорожденного ребенка, то, поскольку он явно не участвует в какой-либо осмысленной деятельности, — он не субъект права? И потому не может быть субъектом права собственности, участвовать в наследственных отношениях и т. д.? Когда медицинские работники передают матери новорожденного ребенка, они передают его как субъекта права? Если, по В.А. Белову, не как субъекта права, тогда в качестве кого или чего: вещи — объекта права?

Следует привести еще одно не менее оригинальное суждение, характеризующее положение человека. М.Н. Малеина пишет, что «субъектом биоэнергетического воздействия является физическое лицо. До сих пор в теории гражданского права разграничивались понятия источника повышенной опасности и субъекта, осуществляющего правомочия по его владению. В рассматриваемых случаях — анализ накопленных фактов это показывает — указанные понятия могут совпадать, поскольку способности (качества) человека при определенных условиях бывают иногда вредоносными и опасными»⁴.

Однако к источнику повышенной опасности относится деятельность физических и юридических лиц, связанная с использованием неко-

торых предметов материального мира, не подпадающих под полный контроль человека: транспортные средства, механизмы, взрывчатые вещества, сильнодействующие яды и т. п., т. е. это все вещи. Утверждая же, что человека также следует квалифицировать в качестве источника повышенной опасности, М.Н. Малеина тем самым вольно или невольно утверждает, что человек также является вещью, следовательно, может быть признан не субъектом, а объектом права.

Из множества мнений в литературе, в которых авторы в той или иной степени рассуждают о человеке как объекте правоотношения, следует выделить следующую позицию С.С. Алексеева: «Как бы ни прикрывался людской субстрат предпринятия или коммерческого общества термином “персонал”, все же при более детальном анализе оказывается, что в круг объектов права собственности в данном случае входит человек. И, стало быть, полное господство, власть, характерные для собственности, могут распространяться в предприятиях и коммерческих обществах не только на вещи, но и на людей»⁵. Это отбрасывает характерный для собственности действующий правовой порядок по ряду позиций далеко назад — в эпохи, когда человек мог быть поставлен в один ряд с вещами, «говорящими инструментами», т. е. в эпохи наемного рабства⁶.

Таким образом, есть основания полагать, что как в литературе, так и в законодательстве проявилась тенденция объективации человека в праве, признания его не только субъектом, но и объектом права. И в этой связи есть необходимость проанализировать действующее законодательство на предмет наличия в нем норм права, которые могли бы послужить неким свидетельством такой тенденции. На наш взгляд, это прежде всего нормы, допускающие *суррогатное материнство*, т. е. вынашивание ребенка женщиной по заказу других лиц и передачу им рожденного ею ребенка. При этом могут использоваться генетические материалы как супругов-заказчиков, так и других лиц (анонимных доноров), а также самой суррогатной матери. Даже в том случае, когда используется генетический материал только супругов-заказчиков, формирование плода, полное обеспечение его жизнедеятельности будет обеспечиваться вынашивающей матерью, так как все необходимое для ребенка поступает от суррогатной матери. Можно ли в этом случае утверждать, что между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком отсутствует кровное родство?

¹ См.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. — СПб., 2002. С. 116.

² Витушко В.А. Курс гражданского права: Общая часть. Т. 1: науч.-практ. пособие. — Мн., 2001. С. 307.

³ Белов В.А. «Неразгаданный» Нерсесов // Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. — М., 1998. С. 17—18.

⁴ Малеина М.Н. Правовой взгляд на проявление нетрадиционных способностей (качеств) человека // Государство и право. 1994. № 2. С. 123.

⁵ Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2007. С. 60.

⁶ Там же.

Какова же цель вынашивания ребенка суррогатной матерью? Вопрос вроде бы неуместен: для передачи его заказчиком или даже заказчику. Например, А.А. Пестрикова так и пишет, что суррогатное материнство является процессом искусственного оплодотворения, вынашивания и рождения ребенка женщиной (суррогатной матерью) с целью передачи ребенка назначенным родителям на основании договора¹. Можно к этому добавить, что передача ребенка осуществляется посредством вручения, так сказать, из рук в руки. Если же учесть, что в России практически все договоры о суррогатном материнстве являются платными, предусматривающими кроме оплаты вынашивающей матери расходов на питание, медицинское обслуживание, одежду и т. п. еще и вознаграждение за сам факт рождения ребенка для заказчика и его передачу им, то напрашивается только один логичный вывод: ребенок в данном случае является живым товаром (объектом права). Не потому ли суррогатное материнство запрещено как таковое в Германии и Франции. В Греции, Нидерландах, Норвегии, Испании и ряде других стран запрещено коммерческое суррогатное материнство.

В России коммерческое суррогатное материнство практически не знает каких-либо ограничений, кроме чисто медицинских. При этом многие авторы не усматривают ничего предосудительного в вынашивании и передаче ребенка за деньги, объясняя эти отношения как оказание услуг на основании договора. Тем самым придумано некое юридическое оформление объективации человека в праве.

Существенные элементы объективации человека содержатся в спортивном законодательстве Российской Федерации. В соответствии со ст. 16 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»² общероссийские спортивные федерации вправе разрабатывать и утверждать положения (регламенты) о проводимых соответствующей федерацией соревнованиях. Согласно ст. 24 того же закона спортсмены обязаны соблюдать требования данных регламентов. Все основные правовые положения спортсмена содержатся в регламентах. Например, в соответствии со статьями 40, 56 и другими Правового регламента Континентальной хоккейной лиги, утвержденного протоколом Совета директоров КХЛ от 17.05.2010 № 19 (далее — Правовой регламент), при переходе спортсмена в другой клуб принимающий клуб обязан выплатить прежнему спортивному клубу компенсацию. До выплаты компенсации спортсмен не вправе выступать за новый клуб.

¹ См.: Пестрикова А.А. Суррогатное материнство в России: моногр. — Самара, 2008. С. 30.

² Российская газета. 2007. 8 дек.

³ Киселев И., Коробельников Б., Черкасов Э. и др. Концепция правового регулирования заемного труда // Хозяйство и право. 2004. № 2, 3. С. 55.

⁴ Шиткина И. Договор предоставления персонала: что это такое? // Там же. № 1. С. 99.

Согласно положению ст. 50 и ряда других статей Правового регламента клуб обладает всеми правами на спортсмена.

В соответствии со ст. 60 Правового регламента клубы вправе договориться об обмене спортсменами. Согласие самих спортсменов на такой обмен не требуется. Необходимо только письменно уведомить спортсмена об обмене с указанием наименования и местонахождения нового клуба, времени прибытия и др. Сами спортсмены не имеют права оспаривать проведенный обмен.

Таким образом, на весь период пребывания спортсмена в клубе он лишен возможности самостоятельно определять свою судьбу и находится во власти руководства клуба.

Еще одним направлением объективации человека является внедрение в практику деятельности предпринимательских структур договоров о *предоставлении персонала*. Детального регулирования данных отношений пока нет, но в законодательстве есть упоминания о подобных договорах. Например, в статьях 148, 255, 264, 306 Налогового кодекса РФ содержатся следующие термины: «предоставление персонала», «договор на предоставление рабочей силы», «услуги по предоставлению работников сторонними организациями для участия в производственном процессе». Некоторые авторы следующим образом характеризуют возникающие в данном случае отношения: «Возникающее при этом комплексное отношение включает трех участников: агентство по лизингу рабочей силы, работника и предприятие-пользователя... Заемный работник становится “слугой двух господ”»: компании, которая нанимает этого работника, и компании, которая в действительности временно пользуется его трудом»³.

И. Шиткина пишет, что «договор аутсорсинга — смешанный договор, соединяющий в себе элементы различных гражданско-правовых договоров и элементы трудового договора, в результате которого одна организация предоставляет в распоряжение другой организации специалистов необходимого профиля, квалификации для осуществления определенных функций в интересах этой организации. При этом организация, предоставляющая персонал, не принимает на себя обязательство на оказание каких-либо услуг (в области управления, производства, строительства и пр.), поскольку ее единственное обязательство — предоставление определенного количества персонала, соответствующего предъявленным к квалификации требованиям»⁴.

Словом, организация заключает трудовые договоры с работниками, но работу, обуслов-

ленную трудовым договором, соответствующее рабочее место, оборудование, инструмент и т. д. — все это будет предоставлять другая организация, которой работодатель по заключенному договору передаст нанятых работников. По сути, такие работники здесь являются объектами права. В.И. Казанцев в этой связи пишет: «Формально считается, что в данном правоотношении объектом являются не сами работники, а услуги, которые одна организация предоставляет другой... Однако фактически такие сделки имеют своим объектом именно людей»¹. В.С. Витко и Е.А. Цатурян так описывают данное положение: «На практике в договорах, поименованных как договоры возмездного оказания услуг, их предмет определяется следующим образом: исполнитель обязуется предоставить заказчику двух человек (девушек) для раздачи рекламных материалов заказчика на территории выставочного центра»².

Таким образом, человек, являющийся в соответствии со ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью, в ряде случаев оказывается в роли не субъекта, а объекта права. О месте и роли человека в обществе рассуждают многие представители общественных наук, но основные позиции в данном вопросе занимают философы, и прежде всего представители философской антропологии. Знание суждений этих ученых необходимо для выявления причин объективации человека в праве, установления пределов допустимости данного явления, а также для того, чтобы определиться с перспективами человека в будущем: какова будет тенденция в плане объективации человека. Для достижения поставленных целей предметом анализа не является проблема субъектно-объектной оппозиции в теории познания, поскольку она была успешно решена основоположниками диалектического материализма: познающий субъект является в то же время и объектом познания. Познавая окружающий мир, человек познает и самого себя, как часть этой природы³. Интересно другое: как в философии, точнее, в той ее составляющей, объектом исследования которой является сам человек, — в философской антропологии философы высказываются о роли и месте человека в обществе и природе, перспективах человека, возможности (если буквально) расценивать человека как товар,

предмет соглашения, предмет сделки. Когда человек в той или иной мере становится объектом прав и обязанностей других лиц? Нет необходимости говорить, что человек признавался товаром (вещью) в рабовладельческом и феодальном обществе. Вопрос в том, как эта проблема решается в современном обществе и что можно ожидать в будущем.

Применительно к капиталистическому обществу К. Маркс писал, что рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товара он создает. В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценивание человеческого мира. Труд производит не только товары: он производит самого себя и рабочего как товар⁴. Отношения между людьми принимают вид отношений между вещами, и потому человек вынужден продавать свои способности, вследствие чего он духовно и физически обесчеловечивается и превращается в человека-товар⁵.

К. Маркс также утверждал: «Труд, будучи сам по себе товаром, измеряется в качестве такового количеством того труда, который необходим для производства труда-товара. А что нужно для производства труда-товара? Для этого нужно именно то рабочее время, которое затрачивается на производство предметов, необходимых для непрерывного поддержания труда, т. е. для доставления работнику возможности жить и воспроизводить свою расу. Естественная цена труда есть не что иное, как минимум заработной платы. Если рыночная цена заработной платы поднимается выше ее естественной цены, то случается это именно потому, что закон стоимости... находит свой противовес в колебаниях отношения спроса к предложению. Но минимум заработной платы остается тем не менее центром, к которому тяготеют рыночные цены заработной платы. Таким образом, измеряемая рабочим временем относительная стоимость роковым образом оказывается формулой современного рабства работника...»⁶. К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем полагали, что товарность работника может быть преодолена только в связи с упразднением частной собственности⁷. Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс, признавая товарность человека, т. е. его объективацию, вместе с тем обосновывали пути ее преодоления.

¹ Казанцев В.И. Правовые алогизмы при классификации объектов в гражданском праве // *Цивилист*. 2006. № 4.

² Витко В.С., Цатурян Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. — М., 2012. С. 84.

³ См.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / под ред. В.К. Брушлинского. 2-е изд. — М., 2010. С. 105. См. также: *Аксельрод Л.И.* Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. 4-е изд. — М., 2010. С. 106.

В настоящее время чуть ли не правилом хорошего тона считается опровержение материалистической диалектики. Не вдаваясь в детали дискуссии, отметим справедливость суждения П.П. Федорова по этой проблеме: «Одним из самых мощных инструментов познания является материалистическая диалектика. Альтернативы ей нет, и требуется она регулярно» (*Архаическое мышление: вчера, сегодня, завтра*. — М., 2009. С. 126).

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — М., 1956. С. 560.

⁵ *Они же*. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. — М., 1955—1965. С. 133.

⁶ *Маркс К.* Нищета философии. 2-е изд. — М., 2010. С. 39.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 42. С. 116.

Современные философы также признают товарность человека в существующем обществе. В частности, Э. Фромм считал, что живое существо становится товаром на «рынке личностей». Человека не заботит ни его жизнь, ни его счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи. Цель рыночного характера — полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях¹. По мнению Э. Фромма, «для рыночной личности весь мир превращен в предмет купли-продажи — не только вещи, но и сам человек, его физическая сила, ловкость, знания, умения, навыки, мнения, чувства и даже улыбка»².

Ряд других известных философов также в той или иной степени рассуждают об объективации человека. Например, Г.П. Щедровицкий, говоря о личности человека, утверждал, что «главное мошенничество — это идея человека с его психикой, а второе мошенничество — это идея субъекта»³. Здесь автор еще не утверждает прямо, что человек есть объект, однако если он не субъект, то что же он такое?

М. Фуко в своих рассуждениях о сути человека уже явно «превзошел» Г.П. Щедровицкого, он пишет: «Всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, его царстве и освобождении, всем тем, кто еще ставит вопросы о том, что такое человек в его сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины... всем этим несуразностям и нелепым формам рефлексии можно противопоставить лишь философский смех... В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека»⁴.

Э.С. Демиденко полагает, что «искусственность человеческой личности становится таким же повседневным явлением, как и искусственность окружающего нас урбанизированного мира»⁵. По мнению В.А. Щурова, «человек постепенно упрощается по образу и подобию машины: лишними становятся в этом мире чувствительность, гуманность, лиричность, сердечность, целомудрие, чуткость, пылкость и т. п., ибо все это не нужно в общении с машиной... Тонкая ткань человечности распадается, остаются лишь простые и грубые машинно-технологические отношения»⁶.

Таким образом, можно констатировать факт нарастания в обществе тенденции объективации человека, превращения его в объект прав и обязанностей других лиц, в ряде случаев (как в суррогатном материнстве, отношениях по предоставлению персонала и др.) в товар (вещь). В одних случаях объективация человека в определенной степени является условием его вы-

живания, например, при договорном оформлении использования труда человека (рабочей силы), в других — такая необходимость отсутствует вообще или является чисто спекулятивной, как в суррогатном материнстве, или предоставлении персонала. Быть или не быть человеку объектом прав и обязанностей других лиц — проблема столь серьезная, что не нуждается в дополнительном обосновании. Речь идет о будущем человечества, современной цивилизации. Можно с уверенностью утверждать, что мнения юристов по данной проблеме будут различны: одни будут доказывать недопустимость объективации, другие — назревшую необходимость этого, третьи, в целом понимая истинный характер происходящего, будут пытаться посредством словесной юридической эквилибристики заглушить суть явления. Например, в отношении суррогатного материнства они станут утверждать, что здесь нет передачи ребенка за деньги другим лицам, а имеет место договор об оказании услуг по вынашиванию ребенка.

На наш взгляд, необходимо проанализировать уже имеющиеся случаи объективации человека и попытаться определить, в каких конкретных случаях общество не может от этого отказаться (хотя бы в настоящее время) и когда объективация недопустима. Кроме того, необходимо также с большой осторожностью подходить к внедрению в общественную практику каких-либо еще правовых форм объективации человека.

В связи с изложенным представляется, что невозможно в принципе отказаться от такой формы объективации человека, как продажа им своего труда, превращение его в человека-товар на рынке труда. Реалии современной цивилизации таковы, что работа по найму является источником существования основной части общества. Согласно ст. 18 Гражданского кодекса РФ, работа по найму входит в содержание правоспособности граждан. Человек, продавая свой труд, ограничивает свою свободу, но у человека нет выбора. Если нет имущества, достаточного для содержания себя и своей семьи, альтернативой работы по найму, т. е. продажи своего труда и в известной мере своей свободы, является голодная смерть. Не просто материальное благополучие, а сама жизнь человека зависит в данном случае от того, каким образом он распорядится своим трудом, следовательно, своей свободой, т. е. в известной мере самим собой. Все иные рассуждения о том, что материальное благополучие и свобода в указанной ситуации не могут быть противопостав-

¹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. — Мн., 2000. С. 170—171.

² Он же. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994. С. 300.

³ Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. — М., 1997. С. 570.

⁴ Фуко М. Слова и вещи. — М., 1994. С. 363.

⁵ Демиденко Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни. — М., 2003. С. 72.

⁶ Щуров В.А. Техника в мире человека, человек в мире техники // Мир человека. — Н. Новгород, 1993. С. 111.

лены, есть утопия. Российское законодательство содержит ряд правовых предписаний, в соответствии с которыми может происходить реализация гражданами своего права на труд.

Отношения по передаче персонала (аутсорсинг) недопустимы, так как здесь имеет место объективация человека без какой-либо экономической или социальной необходимости. Юридические лица, индивидуальные предприниматели должны самостоятельно нанимать граждан на работу. Гражданин, заключивший трудовой договор с работодателем, должен работать у данного работодателя. Сделки по предоставлению персонала следует квалифицировать как ничтожные, в связи с совершением их в противоречие основам правопорядка и нравственности. И в этой связи необходимо, на наш взгляд, поддержать внесенный в Государственную Думу законопроект депутатов А.К. Исаева и М.В. Тарасенко о полном запрете заемного труда в России, который в мае 2011 года был принят в первом чтении¹.

Такие же последствия должны наступать при заключении спортивными организациями сделок по платному переходу спортсменов или их обмену.

Суррогатное материнство следует допускать только по медицинским показаниям, под контролем суда и на безвозмездной основе, законодательно запретив коммерческое суррогатное материнство.

С целью воспрепятствования дальнейшей объективации человека следует также в законодательстве именовать человека как физическое лицо. Исторически сложилось так, что первыми субъектами гражданских правоотношений были люди, которых в доктрине и законодательстве стали называть физическими лицами. Позднее по законодательству ряда стран, в том числе и России, физические лица получили иное наименование — граждане, имея в виду, что под гражданином следует понимать физическое лицо, имеющее правовую связь с государством.

На наш взгляд, расхождение в наименовании людей в законодательстве связано с тем, что считать по законодательству и доктрине соответствующей страны основанием их правосубъектности: природный характер правосубъектности, ее зависимость прежде всего от происхождения человека или правосубъектность как свойство человека, дарованное государством, во всяком случае зависящее от усмотрения государства, — т. е. естественнонаучное или позитивистское понимание правосубъектности людей.

В ГК РФ использована следующая конструкция: граждане (физические лица). Такое решение законодателя не может не вызвать вопросы. Согласно ст. 6 Всеобщей декларации

прав человека 1948 года «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». В развитие данного положения ст. 2 Конституции РФ определяет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Согласно ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

Таким образом, Всеобщая декларация прав человека и Конституция РФ правосубъектность людей объясняют не с позиции позитивизма, а с позиции естественного права: не гражданин, а человек как таковой должен обладать правосубъектностью, — поэтому в законодательстве следует использовать термин «физическое лицо», как наиболее корректно отражающий естественно-правовое, а не позитивистское происхождение правосубъектности человека. На наш взгляд, в п. 2 ст. 17 ГК РФ нашло отражение именно позитивистское решение данной проблемы: правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. С позиции естественного права соответствующее положение должно быть сформулировано иначе: человек (физическое лицо) является субъектом гражданских прав и обязанностей. Возникновение гражданской правоспособности от рождения признается государством за каждым физическим лицом.

Правосубъектность физического лица состоит из его правоспособности и дееспособности. Под правоспособностью понимается способность лица иметь гражданские права и обязанности. Данной способностью обладают все физические лица. При этом объем правоспособности у них одинаков, однако в случаях, установленных законом, способность иметь отдельные гражданские права и обязанности может связываться с некоторыми специальными предусмотренными обстоятельствами, например, достижением физическим лицом определенного возраста. Согласно ст. 35 ГК РФ опекуном или попечителем может быть назначено только совершеннолетнее дееспособное лицо.

Под дееспособностью физического лица понимается его способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Дееспособность физического лица — динамичная категория. Она подвижна в своем содержании, поскольку способность физического лица приобретать и осуществлять права, создавать обязанности и исполнять их может как увеличиваться, так и уменьшаться (ограничиваться). Физическое лицо может быть признано полностью недееспособным, т. е. не способным как приобретать права, так и

¹ См.: Витко В.С., Цатурян Е.А. Указ. соч. С. 126.

исполнять обязанности, однако его правоспособность остается в неприкосновенности, поэтому человек остается субъектом права, но отсутствие дееспособности восполняется другими лицами, в частности опекуном.

С целью воспрепятствования объективации человека представляется необходимым пересмотреть существующее правовое регулирование применительно к совершению физическими лицами сделок в отношении своей правоспособности и дееспособности. В соответствии с п. 3 ст. 22 ГК РФ полный или частичный отказ физического лица от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом.

Закон не может содержать разрешение на совершение физическими лицами каких-либо сделок, направленных на ограничение их правоспособности или дееспособности. Ограничение правоспособности и дееспособности физических лиц может быть произведено только по основаниям и в случаях, которые предусмотрены законом.

Тенденцию объективации человека можно обнаружить также в законодательстве, регулирующем отношения по использованию органов умершего человека. Например, согласно Гражданскому кодексу Квебека и Гражданскому кодексу Украины использовать органы умершего человека в медицинских целях возможно лишь при наличии прижизненного согласия умершего либо его близких родственников. Такое согласие должно быть выражено активными действиями соответствующих лиц.

В статье 8 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹ предусматривается презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей умершего человека, т. е. «неиспрошенное согласие». Таким образом, предполагается, что каждый гражданин Российской Федерации согласен на то, чтобы его органы или ткани после смерти были использованы в целях трансплантации. Изъятию органов может препятствовать только возражение против этой процедуры, высказанное гражданином при жизни или его родственниками после его смерти.

В определении КС РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»»² признано, что данное поло-

жение Закона № 4180-1 соответствует Конституции РФ. На наш взгляд, такое законодательное решение не способствует формированию в обществе уважения к телу умершего человека, укреплению нравственных начал гражданско-правового регулирования, содействует усилению тенденции объективации человека.

До настоящего времени отсутствует правовой механизм, который позволял бы человеку при жизни выразить свою волю о неприменении к нему презумпции согласия. Человек должен иметь возможность самостоятельно, при жизни, решить вопрос об использовании органов его тела после смерти. Естественно, после смерти человека согласие на изъятие из его тела органов для использования в медицинских целях должны дать близкие родственники. Презумпция согласия должна восприниматься в обществе как временная мера решения проблемы трансплантации, до того момента, когда биотехнологами будет решен вопрос о производстве искусственных человеческих органов. Однако до того как это будет достигнуто, презумпция согласия должна быть сбалансирована другой презумпцией — причинения морального вреда родственникам умершего человека при изъятии его органов. И в случае предъявления ими иска о компенсации морального вреда иск должен, безусловно, удовлетворяться.

Подводя итог, следует отметить, что тенденция объективации человека в праве не только имеет место, но и приобретает новые правовые формы. В рыночной экономике сущность человека, его назначение в обществе получили искаженное представление. Человек превращается в объект, предмет, средство. Необходимо изменить подходы к сущности человека: не человек для экономики, не человек экономический (*homo economics*), а экономика для человека. Человек есть не объект в праве, не средство, а цель.

Задачей исследователей самых различных направлений является анализ этой тенденции, с тем чтобы отказаться от таких ее проявлений, которые не соответствуют представлениям общества о гуманности, являются безнравственными, аморальными. Поскольку же объективация человека находит свое отражение в праве, то и регулировать ее следует средствами права. Даже в случае ее обусловленности объективными причинами средствами права можно урегулировать соответствующие процессы в обществе хотя бы для того, чтобы избежать наступления неприемлемых для общества последствий.

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

² Вестн. Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.